

Н. А. Личак

**Понятие «памятник искусства и старины»
в законодательстве Советской России 1920–1930-х гг.**

В статье анализируется трансформация понятия «памятник искусства и старины» в 1920–1930-х гг. в Советской России. Декретами Совета Народных Комиссаров были введены такие понятия, как «культурные сокровища народа», «памятники Республики», «предметы исключительной художественной и исторической ценности», «культурные ценности», «ценности, находящиеся в церквях и монастырях», «памятники искусства, старины, быта и природы». В статье отмечается, что в самом процессе разрастания понятийного аппарата сохранения культурного наследия ярко проявлялись элементы идеологического давления на науку и культуру. В официальных инструктивных материалах, публицистических и научных работах часто стали употребляться понятия «памятники революции, гражданской войны, памятники революционного движения, труда и искусства». Акцентируется внимание на том, что законодательными актами государственной власти культурное наследие было поставлено под охрану, однако в ходе индустриализации страны многие памятники искусства и старины Советской России были уничтожены.

Ключевые слова: Советская Россия, памятники искусства и старины, система сохранения, декреты, постановления, инструкции, механизм реализации 1920–1930-х гг.

N. A. Lichak

**The Concept «Monument of Art and Antiquities»
in the Legislation of Soviet Russia in 1920–1930-s**

The transformation of the concept «a monument of art and antiquities» in the 1920–1930-s in Soviet Russia was analyzed in the article. The Council of People's Commissariat Decrees included such concepts as «the cultural treasures of the nation», «the monuments of the Republic», «the objects of exceptional artistic and historical value», «the cultural values», «the church and the monastery values», «the monuments of art, antiques, household activities and nature». The article notes that there were elements of ideological pressure in the process of the cultural heritage conservation. The concept «the monuments of the Revolution, the Civil War, the revolutionary movement monuments, labour and art» were used in official press, journalistic and scholarly works. The author emphasizes that the cultural heritage was placed under the protection of the legislative acts. However, many monuments of art and antiquity in Soviet Russia were destroyed during industrialization.

Keywords: Soviet Russia, the monuments of art and antiquities, a conservation system, decrees, resolutions, instructions, a mechanism for implementation in the 1920–1930-s.

Плодотворный поиск ответов на многочисленные вопросы, которые возникают в современных условиях сохранения культурных ценностей, невозможен без обобщения исторического опыта сбережения памятников искусства и старины в 1920–1930-х гг. Цель данной статьи состоит в рассмотрении особенностей трансформации содержания понятия «памятник искусства и старины» в законодательной базе Советской России в 1920–1930-х гг.

Впервые комплексное сохранение памятников искусства и старины было включено в сферу государственного регулирования. Связано это было с тем, что после прихода к власти в октябре 1917 г. новых политических сил, провозглашавших иные принципы государственного устройства, вся система сбережения памятников искусства и старины была изменена. Кроме того, увеличивавшаяся политическая нестабильность,

правовой вакуум и нигилизм, разрушение старых государственных структур привели к оживлению вывоза обывателями и скупщиками ценных предметов культуры за границу [3, л. 22].

Следует учесть тот факт, что памятники культуры, представлявшие большую общественную ценность, влились в складывавшуюся в истории и культуре России классификацию национально-го достояния советского государства с принятием первых декретов в 1918 г. Вместе с тем «предысторией» процесса сбережения российских древностей принято считать XVIII в. Понятия «старина» или «древность» связывались в российской культуре эпохи Петра I прежде всего с движимой материальной ценностью вещи и искусностью ее выполнения. При этом исторический возраст вещи далеко не всегда был главным критерием оценки. Как правило, в документах того времени соседствовали два определения – «зело

старо» и «необыкновенно». Другими словами, диковинность, отличие от привычных и обычных предметов играли приоритетную роль при определении понятия «древность» [13]. Определение историко-культурной ценности памятников на стыке XIX–XX столетий опиралось на солидную документальную базу, достоверность которой стала одним из критериев установления исторической ценности. Признаком соответствия, например, архитектурного произведения историко-культурным стандартам служила его принадлежность к определенной эпохе [9, с. 33].

В ходе подготовки положений нормативных актов 1920–1930-х гг. формулировка «памятник искусства и старины» включала различные определения, такие как «культурные сокровища народа», «памятники республики», «предметы исключительной художественной и исторической ценности», «культурные ценности», «ценности, находящиеся в церквях и монастырях», «предметы искусства и старины», «памятники искусства, старины, быта и природы». Тем самым понятие «памятник искусства и старины» охватывало не только отдельный объект, но и определенную территорию, историко-культурную среду. Формирование комплексного, ансамблевого определения понятия «памятник искусства и старины» стало одним из условий и важнейших элементов формирования на современном этапе более широкого понятия – «культурное наследие».

Понятие «предметы особого художественного и исторического значения» было включено в правовой оборот 19 сентября 1918 г. на основе принятия декрета «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» [4, ст. 751]. В ведение Комиссариата Внешней торговли входила выдача разрешительных документов на вывоз за границу памятников старины и художественных произведений только после предварительного заключения, выданного сотрудниками Комиссариата Народного Просвещения. Понятия «предметы особого художественного и исторического значения», а также «памятники старины и художественные произведения» использовались в законе как тождественные для обозначения движимого имущества, обладавшего историко-культурной ценностью. Родовым понятием вышеуказанных определений являлся термин «культурные сокровища народа», заявленный в преамбуле документа и обозначающий, по нашему мнению, сохранение драгоценностей (очень

дорогих по стоимости предметов) на всей территории Советской России.

Для скорейшей реализации декрета коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе одобрила инструкцию, разработанную представителями таможи, промышленности и торговли [20, с. 69]. Затем была сформирована комиссия по контролю за вывозом, определены формы описи малозначимых в культурном отношении предметов, образцы разрешительной документации и т. п. [2, л. 43, 36]. Тем самым был создан механизм реализации декрета.

В содержании декрета СНК «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г [5, ст. 794], закрепившего право государства на сохранение созданных людьми ценностей, употреблялся все тот же термин – «сокровища искусства и старины», который стал объединяющим для соотношения понятий «монументальные и вещевые памятники искусства и старины». Декрет не содержал четкого определения памятников искусства и старины, однако уже разграничивал их по категориям – «монументальные памятники, собрания предметов искусства и старины, а также отдельные предметы, имеющие большое научное, историческое или художественное значение».

Рассматривая содержание понятий «сокровища искусства и старины», «памятники искусства и старины», определенных в вышеуказанном декрете, отметим их нечеткость, неудобство для понимания и практического применения, необходимость их дальнейшего пересмотра и усовершенствования. На основании данного определения невозможно было установить четкий круг объектов правового регулирования, по поводу которых у субъектов правовых отношений при вышеуказанных обстоятельствах возникали соответствующие права и обязанности. Законодатель, скорее всего, не ставил перед собой такую цель. Данное понятие давало некий ориентир. Конкретизация памятников истории и культуры, по замыслу разработчиков декрета, должна была найти закрепление в специальных законодательных актах.

С принятием декрета ВЦИК от 27 декабря 1921 г. «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» [6, ст. 215] законодательная деятельность советского правительства была сконцентрирована на сохранении памятников и пред-

метов искусства и старины особого художественного и исторического значения, находившихся во владении церквей и монастырей. Предметы материальной и духовной культуры религиозного характера переходили в пользование народа путем национализации, принудительного изъятия из рук бывших владельцев. Порядок отнесения движимых памятников к особо ценным не был определен. Предметы особого художественного и исторического значения как памятники искусства и старины являлись результатом деятельности многих поколений, обладали рядом специфических свойств, качеств и функций, однако могли быть утрачены из-за некомпетентности новых правообладателей или невежества отдельных служителей церкви. Их список был настолько разнообразным, что определить их исчерпывающий перечень было практически невозможно.

Памятники старины могли классифицироваться в зависимости от цели по различным основаниям: связи с землей (движимые, недвижимые), оборотоспособности, материалу, времени и месту создания, режиму охраны, уникальности и прочему. В свод наиболее ценных объектов сохранения включались объекты недвижимого имущества – земля, строения, сооружения, находившиеся во владении частных лиц и предоставившие общие сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины. В то же время законодатель, говоря о ценностях в церквях и монастырях, подтверждал, что государство закрепляло свое неограниченное право не только на материальные объекты, но и на духовную составляющую потребностей человека.

Позволим себе не согласиться с мнением исследователей, которые видели в формировании нормативно-правовой базы только основу для осуществления государством последующей продажи художественно-исторических сокровищ за границу [8; 10; 19]. Первоначально цель Декретов состояла именно в сохранении памятников, в прекращении активного вывоза художественных ценностей из страны в первые послереволюционные годы. Данная задача привлекла к делу сохранения памятников искусства и старины ведущих дореволюционных специалистов.

Как было отмечено ранее, появившееся в первых декретах определение «памятники искусства и старины» в законах не конкретизировалось. Это давало возможность широко толковать данное определение, сохранив максимальное число предметов искусства и старины, памятников народного быта. С другой стороны, на практике

это приводило к ситуации, когда местные органы власти отказывались принимать на сохранение вещи или использовали их в своих интересах как непрописанные в законе.

Поворотным моментом в деле сохранения культурных сокровищ народа стало принятие декрета ВЦИК и СНК от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» [7, ст. 179], закреплявшего право за губернскими и областными исполнительными комитетами принимать энергичные меры к соблюдению нового порядка в деле охраны памятников искусства, старины и природы. Основное внимание было привлечено к зарегистрированным памятникам в отделе по делам музеев Главного управления научных учреждений Академического центра НКП. Ремонт, переделка, разбор и использование памятников зодчества должны были производиться теперь исключительно с разрешения спецорганов. Государственные органы охраны делегировали свои полномочия губернским и областным исполнительным комитетам при непосредственном участии губернских подотделов по делам музеев или заменяющих их органов.

Механизм реализации декрета подкреплялся использованием первой классификации памятников искусства, старины и природы, разработанной специалистами Главнауки и воспроизведенной в инструкции Народного Комиссариата Просвещения «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы» 19 февраля 1924 г. [11, ст. 654]. Особое внимание в инструкции НКП было уделено недвижимым памятникам.

В государственно-правовых документах исследуемого периода стали использоваться термины «церковные ценности» [23, л. 11], «музейные ценности» [22, л. 12], «заповедники и национальные парки», «памятники садово-парковой культуры музейно-академического значения». Новый термин «культурные ценности» вобрал в себя ранее не используемую категорию «антиквариат» [16, ст. 726; 1, с. 264], четко разграничивая памятники по категориям, руководство постепенно распределяло их использование между заинтересованными музейными и хозяйственными организациями.

Во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. не было принято новых декретов в сфере сохранения памятников. Но некоторые меры в деле памятникоохранного процесса предпринимались. Так, 16 мая 1927 г. Президиум ВЦИК издал

письмо «О выявлении и охране памятников революционных движений» [14, ст. 681]. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета разъяснял, что «в отношении памятников революции подлежат действию узаконения и распоряжения, изданные по учету и охране памятников искусства и старины». Таким образом, новая категория памятников попадала под действие прежних декретов от 5 января 1918 г. и 7 января 1924 г.

20 августа 1928 г. ВЦИК и Совнарком в постановлении «О музейном строительстве в РСФСР» [16, ст. 726] еще раз обратили внимание Наркомпроса на необходимость надлежащей охраны историко-революционных памятников. Наркомпросу было поручено представить на утверждение правительства список памятников революционного движения, искусства и старины. Все эти памятники подлежали охране и не могли быть «изъяты, уничтожены или изменены без получения на то согласия со стороны Народного Комиссариата Просвещения РСФСР». Характерно, что выделение памятников революционного движения стало важным шагом в деле сохранения историко-культурного наследия. Группа памятников прошлого (начиная с XVII в.) попадала под мероприятия по сохранению государством наследия. Многие из этих памятников условно можно было считать революционными. По сути дела, это были памятники искусства и старины. Кроме того, все чаще инструктивные документы упоминали революционные памятники в общем ряду культурных ценностей. Все они рассматривались теперь в едином контексте истории и культуры страны. Поэтому нельзя согласиться с теми авторами, которые утверждают, что выделение памятников революции в отдельную категорию означало забвение памятников искусства и старины [21, с. 177].

Циркулярным письмом Наркомпроса и Главнауки от 7 декабря 1928 г. «Об учете памятников архитектуры» [24, ст. 470] исполкомам разных уровней предписывалось в кратчайший срок представить в правительство списки памятников революционного движения, искусства и старины. Составленные топографические карточки на зарегистрированные памятники требовали повторного уточнения в связи с производимым новым районированием СССР в 1929 г. В опубликованном письме Главнауки «О распределении памятников архитектуры на категории» от 17 января 1928 г. формулировались в виде схемы общие принципы их классификации. Основным

критерием являлась историческая, архитектурная и художественная ценность. Памятники подлежали разделению на четыре категории (высшую, первую, вторую, третью), определяв степень охраны и подведомственность центральным или местным органам власти. К 1930 г. Центральные государственные реставрационные мастерские подготовили первый реестр архитектурных памятников РСФСР, включавший 3000 единиц [12, с. 56].

На основе установок I музейного съезда 1930 г., проходившего в Москве, специалистам Центральных реставрационных мастерских и Государственной академии материальной культуры была поручена переоценка памятников. Взамен прежней, анкетной, системы учета были введены «паспорта».

Следует отметить, что социологические подходы к феномену «памятник» концентрировались вокруг его места в системе культуры в 1920–1930-х гг. В данном случае следует говорить о грандиозной трансформации отношения населения Советской России к памятникам искусства и старины, динамике социального состава жителей и, в соответствии с этим, изменении ценностных ориентаций (уничтожая «память мира»), отношения людей к памятникам материальной культуры прошлых эпох.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» 10 августа 1933 г. [17, с. 179] запрещались слом, переделка и использование памятников государственного значения без разрешения Комитета по охране при Президиуме ВЦИК, а памятников местного значения – без разрешения республиканских наркоматов просвещения, краевых и областных отделов народного образования. Это был не законодательный, а скорее, политический документ, циркуляр, обращенный к местным властям и определяющий «задачи момента», указующий на необходимость несколько замедлить темпы проведения кампании по борьбе с памятниками культуры [12, с. 56]. Кульминационным моментом в деле закрепления содержания понятия «памятник искусства и старины» следует считать составление целостного памятникоохранительного списка в 1938 г.

Таким образом, изменение содержания понятия «памятник искусства и старины» в законодательной деятельности советского государства происходило достаточно активно на протяжении 1920–1930-х гг. Большая часть новых декретов и подзаконных актов в изменявшейся политиче-

ской и культурной среде была разработана в первые послереволюционные годы, заложив основы политики по сохранению народного достояния в последующие десятилетия. К ранее выявленным памятникам искусства и старины были добавлены памятники археологии, парков и садов, памятников природы, революционного движения. Была проведена масштабная работа по учету и классификации движимых и недвижимых памятников в стране и составлению списка памятников по всем регионам. Общая стратегия развития сферы сохранения памятников формировалась партией и правительством. Вследствие этого огромный объем разрушенных историко-культурных объектов в регионах в 1930-х гг. невозможно объяснить только «дисциплинированностью» местных властей. Работники органов власти в провинции, представляя свои проекты по использованию памятников, подчас действовали в обход существующего законодательства, а также рекомендаций местных историков и архитекторов, согласовывая сносы и разборы памятников в вышестоящих организациях в столице.

Библиографический список

1. Арнольд, М. К экспорту антикварных товаров [Текст] / М. Арнольд // Советская торговля. – 1928. – № 10. – С. 264.
2. ГАРФ. Ф. А.-2306. – Оп. 28. – Д. 9.
3. ГАРФ. Ф. А.-5263. – Оп. 1. – Д. 30.
4. Декрет СНК «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 18 сентября 1918 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1918. – № 69. – Ст. 751.
5. Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1918. – № 73. – Ст. 794.
6. Декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» 27 декабря 1921 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1922. – № 19. – Ст. 215.
7. Декрет ВЦИК и СНК от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» [Текст] // СУ РСФСР. – 1924. – № 18. – Ст. 179.
8. Жуков, Ю. Н. Операция Эрмитаж [Текст] / Ю. Н. Жуков. – М. : Вагриус, 2005. – 366 с.
9. Забелин, И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории [Текст] / И. Е. Забелин. – М. : б/и, 1873. – 300 с.
10. Ильин Н. Проданные сокровища России [Текст] / Н. Ильин, Н. Семенова. – М. : Трилистник: Рус. авангард, 2000. – 296 с.
11. Инструкции Народного комиссариата просвещения «Об учете и охране памятников искусства, стари-

ны, быта и природы» от 19 февраля 1924 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1924. – № 66. – Ст. 654.

12. Левинсон Н. Р. Охрана внемузейных памятников [Текст] / Н. Р. Левинсон // Советский музей. – 1930. – № 6. – С. 56–66.
13. Полякова, М. А. «Культурное наследие»: историческая динамика понятия [Электронный ресурс] / М. А. Полякова. – Режим доступа: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/poljakova_kult_nasl_historical.pdf
14. Письмо ВЦИК РСФСР «О выявлении и охране памятников революционных движений» [Текст] // СУ РСФСР. – 1927. – № 28. – Ст. 681.
15. Постановление Наркомторга СССР от 4 мая 1928 г. «О новом порядке вывоза из страны товаров антиквариата» [Текст] // Советская торговля. – 1928. – № 10. – С. 26.
16. Постановление ВЦИК и СНК «О музейном строительстве в РСФСР» 20 августа 1928 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1928. – № 116. – Ст. 726.
17. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 10 августа 1933 г. «Об охране исторических памятников» [Текст] // СУ РСФСР. – 1933. – № 44. – Ст. 179.
18. Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX–XX веках. История, проблемы [Текст] : учебное пособие. – М. : Академический проект; Альма Матер, 2008. – 395 с.
19. Рославский, В. М. Становление учреждений охраны и реставрации памятников искусства и старины в РСФСР 1917–1921 гг. Игорь Грабарь и реставрация [Текст] / В. М. Рославский. – М. : Полимаг, 2004. – 400 с.
20. Рязанцев, Н. П. Сохранение культурного наследия в Советской России (1917–1930-е гг.) [Текст] / Н. П. Рязанцев. – Ярославль : ООО КопиЦентр, 2011. – 247 с.
21. Сидорова, Н. Ю. Отношение к памятникам искусства и старины в 1920-е годы [Текст] / Н. Ю. Сидорова // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. – 1994. – № 15. – С. 177–202.
22. Циркуляр НКВД РСФСР «Об охране музейных ценностей» от 12 мая 1927 г. [Текст] // ГАРФ. Ф. А.-393. – Оп. 1. – Д. 232.
23. Циркуляр НКВД РСФСР «О борьбе с хищениями церковных ценностей» от 22 мая 1925 г. [Текст] // ГАРФ. Ф. А.-393. – Оп. 2. – Д. 1107.
24. Циркулярное письмо Наркомпроса и Главнауки «Об учете памятников архитектуры» от 7 декабря 1928 г. [Текст] // Бюллетень Наркомпроса. – 1930. – № 16. – Ст. 470.

Bibliograficheskij spisok

1. Arnol'd, M. K jeksportu antikvarnyh tovarov [Tekst] / M. Arnol'd // Sovetskaja torgovlja. – 1928. – № 10. – S. 264.
2. GARF. F. A.-2306. – Op. 28. – D. 9.
3. GARF. F. A.-5263. – Op. 1. – D. 30.
4. Dekret SNK «O zapreshhenii vyvoza i prodazhi za granicu predmetov osobogo hudozhestvennogo i is-

toricheskogo znachenija» ot 18 sentjabrja 1918 g. [Tekst] // SU RSFSR. – 1918. – № 69. – St. 751.

5. Dekret SNK «O registracii, prieme na uchet i sohraneni pamjatnikov iskusstva i stariny, nahodjashhihsja vo vladenii chastnyh lic, obshhestv i uchrezhdenij» ot 5 oktjabrja 1918 g. [Tekst] // SU RSFSR. – 1918. – № 73. – St. 794.

6. Dekret VCIK «O cennostjah, nahodjashhihsja v cerkvah i monastyryjah» 27 dekabrja 1921 g. [Tekst] // SU RSFSR. – 1922. – № 19. – St. 215.

7. Dekret VCIK i SNK ot 7 janvarja 1924 g. «Ob uchete i ohrane pamjatnikov iskusstva, stariny i prirody» [Tekst] // SU RSFSR. – 1924. – № 18. – St. 179.

8. Zhukov, Ju. N. Operacija Jermitazh [Tekst] / Ju. N. Zhukov. – M. : Vagrius, 2005. – 366 s.

9. Zabelin, I. E. Opyty izuchenija russkih drevnostej i istorii [Tekst] / I. E. Zabelin. – M. : b/i, 1873. – 300 s.

10. Il'in N. Prodannye sokrovishha Rossii [Tekst] / N. Il'in, N. Semenova. – M. : Trilistnik: Rus. avangard, 2000. – 296 s.

11. Instrukcii Narodnogo komissariata prosveshhenija «Ob uchete i ohrane pamjatnikov iskusstva, stariny, byta i prirody» ot 19 fevralja 1924 g. [Tekst] // SU RSFSR. – 1924. – № 66. – St. 654.

12. Levinson N. R. Ohrana vnemuzejnyh pamjatnikov [Tekst] / N. R. Levinson // Sovetskij muzej. – 1930. – № 6. – S. 56–66.

13. Poljakova, M. A. «Kul'turnoe nasledie»: istoricheskaja dinamika ponjatija [Elektronnyj resurs] / M. A. Poljakova. – Rezhim dostupa: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/poljakova_kult_nasl_historical.pdf

14. Pis'mo VCIK RSFSR «O vyjavenii i ohrane pamjatnikov revoljucionnyh dvizhenij» [Tekst] // SU RSFSR. – 1927. – № 28. – St. 681.

15. Postanovlenie Narkomtorga SSSR ot 4 maja 1928 g. «O novom porjadke vyvoza iz strany tovarov antikvariata» [Tekst] // Sovetskaja torgovlja. – 1928. – № 10. – S. 26.

16. Postanovlenie VCIK i SNK «O muzejnom stroitel'stve v RSFSR» 20 avgusta 1928 g. [Tekst] // SU RSFSR. – 1928. – № 116. – St. 726.

17. Postanovlenie VCIK i SNK RSFSR 10 avgusta 1933 g. «Ob ohrane istoricheskikh pamjatnikov» [Tekst] // SU RSFSR. – 1933. – № 44. – St. 179.

18. Restavracija pamjatnikov istorii i iskusstva v Rossii v XIX–XX vekah. Istorija, problemy [Tekst] : uchebnoe posobie. – M. : Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2008. – 395 s.

19. Roslavskij, V. M. Stanovlenie uchrezhdenij ohrany i restavracii pamjatnikov iskusstva i stariny v RSFSR 1917–1921 gg. Igor' Grabar' i restavracija [Tekst] / V. M. Roslavskij. – M. : Polimag, 2004. – 400 s.

20. Rjazancev, N. P. Sohranenie kul'turnogo nasledija v Sovetskoj Rossii (1917–1930-e gg.) [Tekst] / N. P. Rjazancev. – Jaroslavl' : OOO KopiCentr, 2011. – 247 s.

21. Sidorova, N. Ju. Otnoshenie k pamjatnikam iskusstva i stariny v 1920-e gody [Tekst] / N. Ju. Sidorova // Hudozhestvennoe nasledie. Hranenie, issledovanie, restavracija. – 1994. – № 15. – S. 177–202.

22. Cirkuljar NKVD RSFSR «Ob ohrane muzejnyh cennostej» ot 12 maja 1927 g. [Tekst] // GARF. F. A.-393. – Op. 1. – D. 232.

23. Cirkuljar NKVD RSFSR «O bor'be s hishhenijami cerkovnyh cennostej» ot 22 maja 1925 g. [Tekst] // GARF. F. A.-393. – Op. 2. – D. 1107.

24. Cirkuljarnoe pis'mo Narkomprosa i Glavnauki «Ob uchete pamjatnikov arhitektury» ot 7 dekabrja 1928 g. [Tekst] // Bjuulleten' Narkomprosa. – 1930. – № 16. – St. 470.